
Э. БЛОХ

ИНТЕЛЛЕКТУАЛ И ПОЛИТИКА

От переводчика

Предлагаемая вниманию читателей статья принадлежит выдающемуся немецкому мыслителю Эрнсту Блоху (1885–1977). Она написана в 1938 году. В России творчество Блоха известно в основном специалистам, а между тем влияние его мысли на немецкую (да и в целом на европейскую) культуру весьма значительно. Здесь не место подробно характеризовать его философские взгляды, отметим лишь, что в интеллектуальном формировании Блоха заметную роль сыграл марксизм, который он попытался переосмыслить в неортодоксальной форме. Блох – автор не только оригинальных философских сочинений – «Дух утопии» (1918), «Принцип надежды» (1959), «Тюбингенское введение в философию» (1963), – но и многочисленных статей на литературные, музыкальные, эстетические темы, он создатель необычных по форме художественных произведений («Следы», 1930), наконец, целого ряда историко-философских исследований (посвященных Аристотелю, Бруно, Мюнцеру, Гегелю, Марксу). В творчестве Блоха существенную роль играла и общественно-политическая публицистика. Наиболее известное собрание статей Блоха на эту тему – книга «Наследие нашей эпохи» (1935). Кроме того, франкфуртское издательство «Зуркамп» (неоднократно выпускавшее его собрание сочинений), публиковало и отдельные сборники заметок и статей, написанных Блохом по разному поводу и в разных обстоятельствах. Из такого сборника и взята статья «Интеллектуал и политика».

В этой работе ставится один из принципиальных вопросов общественной жизни – вопрос об отношениях между интеллектуалами и властью. Блох писал в эмиграции, вдали от родины, будучи социалистом и антифашистом, и перед глазами у него была довольно мрачная картина политической диктатуры нацистской Германии. Однако был и другой пример – Народный фронт во Франции, в рамках которого подавляющее большинство французской интеллигенции объединилось, дабы не допустить к власти крайне правую экстремистскую группировку. Это событие вдохновляло Блоха: он верил в возможности более прочного, стратегического, а не тактического объединения интеллигенции с другими классами, и именно это в конечном счете и означало для него реальную перспективу социализма. Сбылись или нет пророчества Блоха – мы сказать не беремся, однако оче-

видно одно: мысль о необходимости вовлечения интеллектуалов в политику, призыв к более активной деятельности, подхваченный и развитый множеством теоретиков уже во второй половине прошлого века, и поныне остается актуальным как для политической теории, так и для практической политической деятельности. Надо надеяться, что творческое восприятие текстов и идей Блоха в нашей стране будет активным и плодотворным.

Перевод выполнен по изданию:

E. Bloch. Der Intellektuelle und die Politik // Widerstand und Friede. Aufsätze zur Politik. Suhrkamp Verlag, F.a.M., 1968. (S. 46–54.)

И. А. Болдырев

Является ли молодежь классом? Само собою разумеется, нет; однако в движениях последних лет она принимала известное участие. Те, кому тогда не было двадцати, реагировали на безработицу не так, как старшие, они были подвижнее, их легче было обольстить, они не имели собственного мнения. Между тем они подросли, а с ними – голод и война, которые их ожидают. Но несовершеннолетних, идущих вслед за ними, вновь можно будет кормить высокими словами.

Так называемые люди умственного труда сами по себе также не составляют никакого класса. Их хоть и пытались представить в этом качестве, более того – как существо, свободно действующее, которое способно силою своей мысли и ясности суждений избавиться от предрассудков и пристрастий того класса, из которого они вышли (что практически сводится к предыдущему), однако при внимательном рассмотрении это свободное действие относится лишь к беспринципным журналистам или наблюдателям, которые не решаются ни на что, то есть остаются в руках своего класса. Свободно действующая интеллигенция как собственно социологическое явление (*Erscheinung*), особенно такая, какой ввел ее в книжный мир Карл Маннгейм, есть видимость (*Schein*). Как раз те, кто заинтересован в подобном мнимом отсутствии обязательств, обосновываются, подобно самому Маннгейму, прочно, причем всякий раз при правящем классе или по крайней мере вблизи. Однако как среди молодежи, так и среди интеллектуалов есть те, кто нашли свой собственный тембр, – временами живой, а временами будто бы логический. Дело не только в том, что очень многие интеллектуалы, исходя из своих научных или моральных убеждений, поставили себя на место бесправных и угнетенных. И у тех интел-

лектуалов, которые идеологически отошли от своих истоков, при определенных условиях конфликт со своим классом выражается отчетливее, тотальнее, если не сказать – человечнее. Пусть буржуа-интеллектуал и остается далеко позади марксистского рабочего вследствие своих классовых интересов и удаленности от производственного процесса, до тех пор пока он не захочет дать себе отчет о реальных экономических причинах своей «неловкости перед культурой». Но внутри своего собственного класса он превосходит простого трудящегося в чувствительности, при определенных условиях он в состоянии болезненнее ощутить упадок буржуазной цивилизации, варварство нацистов. Помимо воспоминаний о благополучной жизни он хранит и культурные воспоминания, которые сегодня, в ночную пору, оказываются сентиментальностью и упреком. И временами буржуазный интеллектуал с большей готовностью, чем прежде, критикует себя и свою скептическую или сумбурную позицию постольку, поскольку она способствовала нынешнему положению дел.

Но здесь <их> надо взять под руку, ведь есть и товарищи по несчастью. Ведь и буржуазный дух, поскольку в нем осталось что-то добропорядочное, потерпел поражение. Поражение, которое стало победой для пары сотен богачей, однако изгнало за границу Томаса Манна. Поражение, которое заставило некоторых интеллектуалов посмотреть на себя со стороны, пробудило чувства вины и стыда. Ибо буржуазная интеллигенция, не противопоставив всеобщему культурному разложению ничего, кроме всеобщего скепсиса, безбрежного релятивизма, как раз и была отчасти повинна в таком исходе. И при определенных обстоятельствах она может теперь ощутить эту вину, окинуть ее взором, испытать угрызения совести. Ставший экономически неустойчивым, буржуа искал прочности в сильном человеке, в крови (даже если проливалась кровь), в почве (даже если она никому не достается). Но вот широкому распространению недостойного иррационализма услужливая интеллигенция поспособствовала немало, не только увлекшись – задолго до Гейбеля – постыдным прагматизмом, но и перейдя – задолго до Розенберга – к бездуховности и мифотворчеству. Отцы нынешних буржуа, даже и те, испытывая презрение и отвращение к деспотизму, были величественны; прусского самодержца они называли «коронованным кроликом» и им непонятен был народ, позволявший управ-

лять собою, как рабским стадом, бессловесным и невежественным. Разумеется, либеральная идеология, материальная основа которой с превращением свободной конкурентной экономики в монополистическую сходит на нет, повсюду подвергается все большей дезориентации; однако страх жизни и истерия, распространявшиеся издыхающим немецким империализмом, содействовали тому, чтобы создавалось пространство для деспотизма, прежде крайне сомнительного и презираемого, чтобы колоссальная энергия масс была положена в основу интересов двух сотен семей; и, прежде всего, именно немецкая интеллигенция участвовала в создании этой конечной основы, напевая пошлые песенки цезаризма и мистицизма. «Я довольствуюсь, – сказал давным-давно замечательный эссеист Мориц Хайманн, – рационализмом, но мне неизвестно, довольствуется ли он мною»; эта максима еще обладала тем свойством, что в ней разум стоял на страже, что в ней именно разум был призван расширить свое господство, отдать должное новым потребностям субъекта. Иррациональность выступает здесь под надзором, да еще и как то, что должно быть покорено разумом. Как с тем, чтобы он не одряхлел, не деградировал к простой рутине, так и с тем, чтобы иррациональность (и она тоже есть часть действительности) была обезврежена и сведена к человеку. Но в дальнейшем из этого принципа произошли релятивисты и виталисты, причем произошли они из верхов интеллигенции, бичующей саму себя; Гундольф¹ воспевал Цезаря, Жизне-Клагес чернил дух как «противника души»².

Только вот с тех пор появились другие палачи жизни, имеющие отнюдь не духовное происхождение. И теперь уже значительные пласты оставшейся ныне буржуазной культуры стоят перед лицом варварства, которое они хотя и призвали к себе, но которое не является ни «биоцентричным», ни примитивным, а просто выражает всю подлость сегодняшнего дня. Вот почему из отвращения она (буржуазная культура. – *И. Б.*) действительно пробуждается к растущему сопротивлению, в том числе и к воспоминанию об известных буржуазных идеалах порядочности. Ищется новая точка опоры, и на этот раз не в сильном человеке; ныне в чести новый по-

¹ Гундольф Фридрих (1880–1931), известный литературовед, представитель «духовно-исторической школы», последователь Ницше, сотрудничал с Георге. Автор книг о Шекспире и Гете, а также исследования «Цезарь. История его славы» (1924).

² Блох имеет в виду сочинение немецкого философа, одного из крупнейших представителей философии жизни, Людвиг Клагеса (1872–1956) «Дух как противник души» (1929).

люс, на который можно ориентироваться, и это больше не Калибан из Браунау³. Эпоха буржуазного Просвещения, великих буржуазных классиков кажется запоздалым предупреждением; исполняется предсказание Ницше (пусть и в значительно более цивилизованной форме, чем имел в виду он): «Добродетель снова становится интересной». Отсюда и необыкновенное влияние Томаса Манна, манифесты которого в сегодняшней Германии воспринимаются как зловещее предзнаменование, как воспоминание и надежда. Писатель, в этой ситуации оказавшийся сентиментальным, наделяет «бюргерство» («Любек как форма духовной жизни») таким высоким достоинством, которым оно очевидно никогда не обладало, но которое именно из-за этой идеализации дает возможность осознать, сколь велика утрата цивилизованной красоты; это похоже на сплошные виньетки из навсегда ушедшей доброй буржуазной старины. Ответ Манна нацистскому ректору из Бонна расходитя по стране как листовка, как нелегальная центристская литература, и распространяет новшество неколебимой гуманности. Но и более ранние статьи Томаса Манна, которые в любом случае еще остаются на родине, внезапно начинают выделяться, размышления там становятся сегодня прямо-таки отважными и дерзкими; характерный пример – статья «Памяти Лессинга» (1929). «Что может он дать, – задает Манн по праву ироничный вопрос, – что может сказать нам, современным людям, для которых путь к праматерям всего сущего стал повседневной прогулкой? Нам, кто не просто питает недоверие к разуму, но испытывает, презирая разум, усладу, чуть ли не величайшее внутреннее удовлетворение, кто угрюмо поклоняется божеству иррационализма, кто поносит человеческий дух, видя в нем палача живой жизни, кто издевается над мыслью, ставя ее к позорному столбу, и кто во время празднеств, справляемых приверженцами некоего динамического романтизма во славу кровожадной богини Астарты, с садистическим сладострастием убеждается в братском единодушии всех ему подобных!» Томас Манн продолжает, расколдовывая еще одно излюбленное понятие половинчатости, парадокс половинчатости, дерзко нерешительных и, таким образом, обманутых: «...нам, кто под покровом ночи похитил изображение революции, уволок его в наш лагерь, лагерь реакции, и теперь превратил в знамя “консервативной революции” (а ведь это –

³ Имеется в виду Гитлер, родившийся в Браунау в 1889 году.

хитроумное и лукавое самоновейшее открытие, игра, от участия в которой уклоняются лишь изменники родины, благодаря которой все самое зловеще-реакционное неожиданно является в сверкающем ореоле отваги и юности, возвышая нас в собственных глазах)». ⁴ Короче говоря, к буржуазному духу, по-видимому, вновь можно апеллировать, и лучше всего руководствоваться при этом его собственными, послушно забытыми традициями. Ему видно, каким силам помогла его ненависть к свету и прогрессу; этот же дух у Томаса Манна и у его бывших или новых преданных читателей теперь не способен так легко издеваться над идеологией пролетариата, того класса, который единственный остался верен свету, как над «замшелым девятнадцатым столетием». Если средний класс радикализован (значительнее, чем хотелось бы тем двум сотням семей и чем было в 1933 году), то кажется, что оставшаяся в общем незатронутой часть немецкой буржуазной интеллигенции обосновывает себя – опираясь на обман и скепсис – в понятии. Слушателям «Эгмонта», «Дон Карлоса», «Телля» и Девятой симфонии вспоминается нечто, чем они некогда обладали, более того, завоевали и вновь утратили, упустили. Именно к *Citoyen* ⁵ устремлены помыслы освобождающегося буржуазного класса и именно им буржуа так и не смог стать. Но *Citoyen* по-прежнему остается на повестке дня в мировой истории – с таким благородством, по сравнению с которым человек Георге – это просто Геринг.

Образованный центр тоже воспринимает нашу борьбу как свою собственную. Плохо, когда демократические лозунги оцениваются поверхностно, считаются тактикой или стратегией. И тактика, и стратегия служат воле к победе и могут пойти в обход, но целью обеих, целью, которая остается зримой и руководящей на любом обходном пути, является демократия. Образ действий становится тактическим, если революция на том же этапе имеет то наступательный, то оборонительный характер, если она использует исключительно империалистические противоречия между силами капитализма. У стратегии гораздо более прозорливый взгляд, она меняется лишь при переходе от одного этапа революции к другому, прежде всего, она

⁴ Цит. по: Манн, Т. Памяти Лессинга // Собр. соч.: в 10 т. – Т. 10 / пер. Е. Эткинда. – М., 1961. – С. 7.

⁵ Гражданин (фр.). Блох противопоставляет здесь гражданина (в подлинном, революционном, «французском» смысле) и буржуа. В немецком же языке к понятиям «буржуа» и «гражданин» отсылает одно и то же слово – *Bürger* (бюргер, горожанин).

имеет дело с решающими силами революции и ее резервами. Однако интеллигенция по-новому, не просто технически, стала одной из решающих сил внутри Народного фронта; теперь она, обнищав и придя к антифашизму, принадлежит демосу, она принадлежит демократии, и к демократии она относится столь же честно, сколь и основательно. Ни пролетарский авангард, ни пролетариат сам по себе не смогут победить в одиночку, без союзников; его диктатура на нынешнем этапе революции, в принципе, не стоит на повестке дня (а впоследствии, когда трудящиеся составят большинство, она не будет «диктатурой»). После того как фашизм свел на нет достижения буржуазной революции, стратегической целью социальной революции является, прежде всего, возвращение буржуазных свобод, и лишь в таком их движении – решение вопроса материальной, бесклассовой свободы. Это замечательный научный закон, который всегда выполняется: социализм побеждает лишь настолько и в той степени, в какой он несет в себе отвоеванные буржуазной революцией свободы и затем, не отнимая, последовательно придает им новые функции материальной демократии. То есть постольку, поскольку революция направлена против своего основного врага, фашизма, она помимо пролетариата опирается не только на деревенскую бедноту и нижние слои мелкой буржуазии, она не довольствуется лишь нейтрализацией среднего класса, а пытается мобилизовать и интеллигенцию, ведет общую борьбу с фашизмом во имя свободы и человечности. Постольку, поскольку фашизм по своему классовому содержанию есть не что иное, как достигшая неслыханных размеров монополия в промышленности и сельском хозяйстве, борьба демократии против фашизма с неизбежностью перерастает в борьбу против монополистического капитала (и тем самым привлекает большинство нации, которое заставила поумнеть разруха и которое действительно стало антикапиталистическим). Но сама демократия, несмотря на то, что она в своем буржуазном изводе есть позитивная цель борьбы на первом этапе, никоим образом не является просто этапом; она не есть вызванное бессилием прикрытие, за которым якобы скрывается антидемократическая диктатура пролетариата, угнетающая свободу. Здесь не скрывается совершенно никакой диктатуры в нацистском смысле, диктатуры нескольких семей, которая в основе своей имеет поддержку масс, добытую нечестным путем, а потому быстро улетающая. В должный час настанет пора диктатуры демократии,

демократии завоеванной и последовательной; такой, которая (в отличие от веймарской) неизменно беспощадна к своим врагам. И действительным в этой диктатуре окажется не угнетение большинства, а только революционная гегемония, боевая гегемония пролетариата. Крестьяне и мелкие буржуа знают, какой получается «революция» без пролетариата; борьба за освобождение нации в любом случае потребует главенства пролетариата, ибо это единственный последовательно революционный класс. Но демократия при любых обстоятельствах была и остается целью, подлинной, поставленной как Марксом, так и Лениным конечной целью; чтобы убедиться в этом, не нужно вслушиваться в биение сердец, такова сама действительность социализма, его сущность. Если социал-демократы, скептически относящиеся к Народному фронту, и, быть может, весьма немногочисленные коммунисты, чувствуя себя уютно вдали от действительности, витающие в облаках, принявшие пролеткульт за социализм, не имея на то ни повода, ни необходимости, — если эти глупцы устрашают буржуазную интеллигенцию и осуждающе или одобрительно следуют за шибболетом⁶ «диктатура» как за полностью овеществленной и изолированной сущностью, то это значит, что они так и не постигли функциональный смысл этого термина и, прежде всего, никогда не уяснили для себя его содержание. Содержание это абсолютно классическое, а именно установление реальной свободы, равенства, братства в борьбе против тех, кто этим целям враждебен в условиях непрестанной угрозы со стороны еще не уничтоженных врагов. Только это и есть диктатура пролетариата; лучше бы ей закончиться сегодня, чем завтра; к ней вынуждают прибегать враги и всякий раз она стоит на службе единственно необходимого: гуманности, которой надлежит способствовать.

Возможно, один пример, особенно близкий нам духовно, поставит все на свое место. Это пример свободы прессы, за которую держится буржуазный интеллигент, как будто бы она наличествует. Однако ее больше нет из-за издательского капитала, поэтому борьба за свободу и здесь может быть только антикапиталистиче-

⁶ Шибболет — тайный пароль, опознавательное слово, по которому можно установить идентичность говорящего. Понятие обязано своим происхождением библейскому сюжету, изложенному в кн. Судей (12, 5–6): после битвы между двумя враждующими племенами победители требовали от тех, кто желал переправиться через реку, произнести слово «шибболет» («водный поток» или «колос»). Если человек говорил «шибболет», не умея выговаривать шипящие, это означало, что он принадлежит к побежденному племени и должен быть умиротворен.

ской. Если «свобода прессы» будет изъята из рук ничтожного меньшинства, то есть издательского капитала и его монополистических взаимосвязей, если издательский капитал посредством «диктаторских мер» будет отчужден, то произойдет это в интересах единственно реальной свободы прессы в точном смысле этого слова. То есть в интересах народа, во имя его свободы слушать правду, а не предпринимательскую идеологию. Всю свободу прессы – народу; иными словами, не давать слова эксплуатации и исходящей от нее лжи. Именно это имелось в виду в 1848 году, когда демократически настроенные народные вожди завоевали свободу прессы; они ни в коем случае не были согласны обменять открытую цензуру Меттерниха на появившуюся тогда мнимую «свободу прессы» для сытой буржуазии. Но и здесь демократический импульс был растрочен попусту и обернулся своей противоположностью. Нацистская пресса, показывая издательский капитал как целиком объединенный с монополистическим финансовым капиталом и подконтрольный ему, всего лишь устраняет из существующего положения вещей видимость и более или менее декоративные исключения. Таким образом, возврат к свободе прессы, к свободе мысли, высказывания, образования означает бросок вперед к ней в союзе с трудящимися, а также, конечно, и с лучшими традициями немецкого духа, от Гуттена до Паульскирхе⁷. Если демократические интенции этих обычаев должны, наконец, осуществиться, то нет иного пути, кроме Народного фронта и его победы. А Народный фронт, в свою очередь, может победить лишь в том случае, если у него, как во Франции, есть союзники среди интеллигенции, а не реакционные офицеры запаса. Поэтому *cum grano sails*⁸ можно утверждать: такое же значение, какое в России имела победа крестьянства, в индустриально развитых странах имеет победа интеллигенции. Любая ненависть к интеллигенции служит реакции, любое содействие интеллигенции, оказанное ей демократическим путем, может и будет служить достижению социализма. И известно, что демократия не всегда приживается там, где о ней назойливее всего твердят.

⁷ Ульрих фон Гуттен (1488–1523) – знаменитый немецкий гуманист, автор «Писем темных людей» (1515–1517). Паульскирхе – церковь во Франкфурте, где в 1848 состоялось первое немецкое национальное собрание.

⁸ С шепоткой соли (лат.), то есть с известной поправкой, оговоркой, с осторожностью.